

УДК 947.088(571.6): 316.4.051

Крушанова Л.А.
Krushanova L.A.

Девиации и деструкции в советском и постсоветском обществе во второй половине 1980-х – 1990-е гг. как отражение социальных трансформаций (на примере Дальнего Востока)

Deviation and destruction in the Soviet and post-Soviet society in the second half of the 1980s – 1990s as a reflection of social transformation (on the example of the Far East)

В статье рассматриваются девиации и деструкции в период социальных трансформаций во второй половине 1980-х – 1990-е годы. Автор анализирует такие явления, как алкоголизацию, девиантные и деструктивные формы трудовой занятости населения Дальнего Востока. Автор приходит к выводу, что расширение девиаций (рост безработицы, миграции) были обусловлены экономическими реформами, сведением к минимуму государственных гарантий социальной защиты и правовым вакуумом. Девиантные и деструктивные формы занятости стали одним из механизмов адаптации в условиях 1990-х гг..

Ключевые слова: *Дальний Восток, трансформации, девиации, деструкции, деструктивная занятость*

the article discusses the deviation and destruction in the period of social transformation in the second half of the 1980s – 1990s. The author analyzes such phenomena as alcoholism, deviant and destructive form of employment of the population of the Far East. The author comes to the conclusion that the expansion of the deviations (unemployment, migration) were due to economic reforms, minimizing government guarantees of social security and legal vacuum. Deviant and destructive forms of employment became one of the adaptation mechanisms in the conditions of the 1990s.

Key words: *Far East, transformation, deviation, destruction, destructive employment*

Цель: выявить особенности девиантной и деструктивной трудовой занятости дальневосточников в период социальных трансформаций. В рамках данной статьи не рассматриваются распространение наркотиков, проституция и профессиональное нищенство, поскольку они тесно связаны с организованной преступностью.

Девиации и деструкции – это многогранные явления, отражающие разную степень разрушения традиций, норм и ценностей в обществе.

Статья подготовлена при поддержке гранта ДВО РАН. Проект № 15-1-9-009 «Социально-политические реформы и трансформация повседневных структур в Тихоокеанской России (1985–2015 гг.)».

КРУШАНОВА Лариса Александровна, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).
E-mail: larrie@list.ru

В период социальных трансформаций частота проявлений девиаций и деструкций резко увеличивается. Социальная трансформация представляет процесс структурных изменений самой социальной системы, а не только её отдельных компонентов, и отражает базовые качественные изменения социальной реальности, проявляющиеся во всех социальных сферах.

Проблемам социальной трансформации, девиациям и деструкциям уделяли внимание исследователи различных научных направлений. Одним из первых, кто выделил социальную трансформацию как явление, был англо-венгерский социолог, экономист и обществовед К. Поланьи. В своём труде «Великая трансформация» (1944), признавая множественность факторов (политических, социокультурных и др.), оказывающих влияние на резкие социальные изменения, главным он определил экономический фактор. В дальнейшем его мысли мы можем найти в работах Э. Тоффлера «Третья волна» или Дж. Гелбрейта «Экономическая теория и цели общества» (1973).

Отечественные исследователи также анализировали данное явление. Суммируя их высказывания, отметим, что под социальной трансформацией они понимают радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы общества (Т.И. Заславская), вызванное внедрением чужеродных элементов, выдаваемых за необходимые основания, и сопровождается нарастанием негативных явлений (Н.И. Иконникова) [17, с. 263]. Ей предшествует рост девиантных и деструктивных явлений, нарушение общепринятых норм.

Э. Дюркгейм подчёркивал социальную значимость нормы. По его мнению, ослабление норм влечёт за собой потерю связей между людьми и приводит к дезинтеграции общества [10, с. 248-250], а её нарушение – к социальной аномии, под которой он понимал состояние общества, в котором отсутствует чёткая регуляция поведения индивидов, моральный вакуум, когда старые нормы и ценности не соответствуют реальным отношениям, а новые ещё не утвердились [11]. Нарушение нормы является девиацией, массовость девиаций свидетельствует о наличии деструкций в обществе.

В то же время, будучи исторически изменчивым явлением, девиация, при определённых условиях может стать социальной нормой (напр., в СССР – спекулянт, в постсоветский период – предприниматель, коммерсант). Если девиация со временем стала социальной нормой, то это свидетельствует об общественной трансформации. Одним из негативных проявлений социальной трансформации становятся деструктивные изменения. Отечественные исследователи Д.М. Абдрахманов и А.М. Буранчин указывают на взаимообусловленность трансформаций с аномией, девиацией и деструкцией. Деструктивная трансформация проявляется в двух формах: 1) как архаизация социальных структур, 2) как криминализация, приводящая к доминированию теневой экономики, коррупции, росту маргинальных социальных групп [1, с. 94]. От себя добавим, что форма влечёт девиантно-деструктивную трудовую занятость. В итоге социальные трансформации выносят на повестку дня наиболее значимую проблему для государства и социума – проблему социальной безопасности.

В 1980-х гг. советское общество стояло на пороге системного кризиса. Всё острее проявлялся продуктовый дефицит, рост заработной платы опережал реальный рост производства, и в итоге это закладывало основы экономического кризиса. Девиации в виде пьянства, тунеядства и спекуляции в позднесоветский период переросли в деструкцию. Они же формировали базу для девиантной занятости, которая закладывала

основу для трудовых отношений в будущем. Государство всё больше приближалось к краю социальной пропасти.

Руководство страны искало способы преодоления негативной социальной действительности. С приходом М.С. Горбачёва власти вернулись к практике искоренения асоциальных явлений. Начался очередной виток борьбы с пьянством, самогонварением и спекуляцией. Борьба с ними была неотъемлемым элементом советской повседневности, поскольку уже 70-80-х гг. XX в. наиболее сильно проявился деструктивный характер всех этих явлений, т.к. разрушали советское общество и государство. Пьянство – это потенциальная угроза обществу: оно разрушает семьи, негативно сказывается на доходах, моральном климате в семье и воспитании детей. Пьяный человек сам становится либо преступником, либо жертвой преступления. На производстве эта категория работников является источником повышенного травматизма, в том числе и со смертельным исходом, т.е. косвенной причиной кадрового дефицита.

С 1970-х гг. постоянный дефицит рабочих рук, особенно в строительстве, на транспорте, в аграрном секторе и прочих отраслях экономики из года в год проявлялся всё острее. Пьющие часто меняли место работы. По данным приморской статистики (данные 1960 г.), переход одного работника с одного места работы на другое составлял 18 рабочих дней. Средняя текучесть в указанных отраслях достигала почти 30% (ГАПК. Ф. 510. Оп. 3. Д. 807. Л. 59). На период «безработицы» по собственной инициативе они становились проблемой не только для семьи, но и соседей, административных и правоохранительных органов и одновременно социальной нагрузкой на бюджет. Поэтому борьба с пьянством давала и экономический эффект. В 1983 г. сотрудники ОВД выявили 390 тыс. взрослых людей, не занятых в общественном производстве [14].

Не меньшую проблему государственной экономике и обществу создавали производители домашнего суррогатного алкоголя. Экономический вред от их нелегальной «трудовой» деятельности выражался в «изъятии» доходов из бюджета, полученных в результате продажи ими крепкого алкоголя, монополия которого принадлежала государству. Их деятельность имела конкретные негативные последствия. Во-первых, из продуктового оборота выводились сахар и зерновые (чаще всего пшеница). Во-вторых, последствия потребления суррогата для здоровья человека. Покупателями в основном были мужчины, представители рабочего класса, страдающие разной степенью алкоголизма. Напиваясь до состояния сильного алкогольного опьянения, на утро они ощущали признаки отравления организма. Чаще всего абстинентный синдром (в простонародье похмелье) они преодолевали самостоятельно, но иногда и обращались в больницу. Госпитализация, как минимум на три дня, выводила работника из строя и давала основание на оплату больничного листа. Но чаще всего многие из них обратиться в больницу не успевали. Пьянство было одной из распространённых причин смертности от сердечно-сосудистых заболеваний мужчин трудоспособного возраста. В 1970-х гг. смертность от алкоголизма «уносила» ежегодно жизни 600-700 тыс. чел. [5, с. 95].

Борьба с пьяницами и самогонщиками шла по накатанной колее. Прежде всего, усилился контроль за исполнением уже имевшегося антиалкогольного законодательства. Статистика правонарушений отразила рост численности лиц, привлечённых к ответственности за нарушение антиалкогольных законов. Например, в Приморском крае количество привлечённых в 1985 г. по сравнению с 1984 г., увеличилось почти в 4 раза (с 35 до 131 чел.), в 1986 г. достигла уже 1204 чел. (ГАПК. Ф. 1210. Д. 10. Л. 55; д. 13. Л. 23; д. 20. Л. 13). На Сахалине в 1987 г. за изготовление, сбыт и хранение крепких спиртных напитков к уголовной от-

ветственности привлекли 229 чел. (ГАСО. Ф. 985. Оп. 1. Д. 466. Л. 3), в 1988 г. к штрафу – 27 840 чел., в том числе 1 245 чел. – за самогонование (ГАСО. Ф. П-4. Оп. 136. Д. 152. Л. 7). На 13,2% (в 1987 г. – 2507 чел., 1988 г. – 2838 чел.) выросло количество задержанных, находившихся за рулём в состоянии алкогольного опьянения (ГАСО. Ф. П-4. Оп. 136. Д. 152. Л. 7).

Правда, была и обратная сторона этого процесса. Ограничение продажи алкоголя привело к неоднозначным результатам. С одной стороны, госбюджет ежегодно в течение трёх лет недополучал около 50 млрд. руб. [7], с другой – сократились издержки от пьянства в виде выплат по больничным листам в результате полученных травм на производстве или в быту, снизилось количество прогулов. Но даже эти положительные сдвиги не компенсировали доходы бюджета от продажи алкоголя. Из 50 млрд. руб. «сухой закон» сохранял только 9 млрд. руб. [15, с. 78], и потому не могли закрыть образовавшуюся дыру в бюджете. В итоге государство стало сокращать расходы на модернизацию производства, военные нужды, социальную сферу и проч. Постепенно руководство страны вынужденно отменило некоторые положения антиалкогольных законов, но действенных результатов это не принесло. Эту нишу быстро заняли спекулянты и дельцы суррогатного алкоголя. Данные по продаже сахара по 1987 г. позволили специалистам выявить, что объём производства самогона составил примерно 140-150 млн. дал, и практически компенсировал сокращение продажи крепкого алкоголя в госторговле [15, с. 79]. В 1989 г. теневые доходы, «изъятые из бюджета», в СССР составили 23 млрд. руб., в 1990 г. – 35 млрд. руб. [14]. Это свидетельствовало о том, что антиалкогольная кампания благоприятствовала деструктивной занятости населения (спекуляция водкой, изготовление и продажа самогона).

В рамках борьбы с деструктивными процессами середины 1980-х гг. не менее значимой стала борьба с тунеядством. Ещё в 1970-х гг. государство ужесточило ответственность в отношении лиц, не занятых общественно полезным трудом. В Уголовном кодексе появилась статья «Злостное уклонение от выполнения решения о трудоустройстве и прекращении паразитического существования» (ст. 209.1 УК РСФСР [24]). Её применение способствовало снижению численности тунеядцев: в 1970 г. – 32 720 чел., 1974 г. – 30 226 чел. (ГА МВД РФ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 55. Л. 3; Д. 225. Л. 2), т.е. на 6%. Но в конце 1970-х гг. вновь начался их количественный рост. Если в 1970 г. сотрудники ОВД в целом по СССР выявили 56,5 тыс. чел., не занятых общественно-полезным трудом (ГА МВД РФ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 55. Л. 3), то в 1983 г. официально их насчитывалось уже 390 тыс. чел. [14], т.е. менее чем за 1,5 десятилетия численность тунеядцев выросла почти в 7 раз.

В начале 1980-х гг. Институт экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск) в городах Дальнего Востока провёл обследование 500 чел., образ жизни которых в той или иной степени характеризовал тунеядца или, по терминологии тех лет, тип «бича»¹. Из 500 человек были опрошены в приёмнике-распределителе 300 чел., 200 чел. – на улице. В числе 200 опрошенных 195 чел. находились в наиболее трудоспособной возрастной группе (30 – 49 лет). Учёные выявили, что 200 чел. ранее были судимы, большинство из них утратили семейные связи (А ИЭИ ДВО РАН, «Заключительный отчёт «Социально-экономические проблемы воспроизводства населения и трудовых ресурсов в 2 т. Т. 2, кн. IV. С. 432-439»). Основным источником дохода таких людей были либо сбор бутылок, либо разовые заработки, иногда – иждивенчество за счёт супругов или престарелых родителей.

¹ В 1970 – 1980-х гг. так называли лиц, опустившихся на «социальное» дно.

Борьба с пьянством и туеядством в СССР давала разные результаты, но так или иначе она влияла на трансформацию советского общества. Кампания по искоренению «зелёного змия» одним принесла некоторое облегчение. Так, суды стали чаще ограничивать дееспособность пьющих¹, назначали принудительное лечение. Другим – определённые трудности. Например, введение талонов на покупку алкоголя² и возрастных ограничений на его потребление создали для значительной части населения трудности легального приобретения водки, коньяка или шампанского в зависимости от события (свадьба, день рождения, поминки). Третьим позволила существенно увеличить личные полукриминальные доходы: предприимчивые граждане стали спекулировать либо заводским алкоголем (таксисты, продавцы магазинов), либо продукцией домашней выработки (самогоном) [5, с. 94-108].

Советская плановая экономическая система породило и другое деструктивное явление – спекуляцию. Справедливости ради стоит отметить, что спекуляция, как социально-экономическое явление, известна с древнейших времён. В период кризиса, будь то война или природное бедствие, появлялся дефицит товаров первой необходимости (продуктов питания или одежды), а значение и статус спекулянтов в обществе резко возрастали. Товарный дефицит, как продуктов питания, так и товаров, предопределили вероятный вектор трансформации советской экономики и общества. Советские спекулянты 60-80-х годов не только удовлетворяли растущие потребности общества потребления советского типа, своим существованием они выполняли важную функцию – способствовали снижению негативных явлений советской экономики, одновременно способствовали разрушению социальных связей. Таким образом, они сформировали деструктивную занятость – спекулятивную перепродажу, разрушавшую советскую систему распределения.

Государство в лице правоохранительных и административных органов и общественности (трудовых коллективов, профсоюзных, комсомольских и партийных организаций) боролось со спекулянтами, но желание советских граждан иметь красивые вещи, ковры, хрусталь и проч., относящиеся к дефицитным товарам, сводило усилия государства по борьбе с ними на нет. В 1986 г. вышло Постановление Совмина СССР № 575 «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами» (15.05.1986). На его базе появились аналогичные республиканские, в том числе Постановление Совета Министров РСФСР «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами» за № 329 от 22 июля 1986 г., в котором руководителям предприятий, организаций, учреждений и колхозов предписывалось усилить борьбу с расточительством и потерями, обеспечить строжайшую экономию в использовании материальных ресурсов и денежных средств. Местным органам также предлагалось усилить контроль над гражданами, сдающими в наём квартиры, жилые дома, дачные домики и земельные участки³ [20].

В 1970–1980-е гг. советский «чёрный рынок» превратился в целую систему с разделением труда и оборотами в десятки тысяч рублей. В конце советского периода спекулянты стали не только одной из процветаю-

¹ Например, по решению суда заработная плата пьющих работников выдавалась либо женам, либо матерям

² На 1 талон через специализированные магазины можно было приобрести 2 бутылки водки или коньяка в месяц.

³ Собственно закон не запрещал сдавать в наем недвижимость, но были ограничения. В числе таковых: владелец не мог брать плату больше, чем размер коммунальных платежей за используемое нанимателем помещение. Однако на практике действовали другие законы: спрос рождает предложение. В середине 1980-х гг. «цена» аренды одной комнаты в трехкомнатной квартире в районе мыса Чуркина составляла 45–50 руб.

щих категорий, но проводниками рыночных идей. В СССР зарождался и набирал обороты новый класс, идеологически не вписывавшийся в советскую систему ценностей, – предприниматель [16, с. 97-112]. В 1980-х гг. в «теневом» секторе участвовало до 30 млн. чел. с объёмом денежных оборотов от 90 до 500 млрд. руб. [2, с. 146]. Чтобы снизить деструктивное влияние «барахолок», в СССР в 1987 г. приняли закон о государственном предприятии, ставший возвратом к рыночным отношениям. Осознавая неспособность плановой экономики обеспечить население товарами, не входящими в список первоочередных, руководство страны обратилось к опыту нэпа, и разрешило гражданам заниматься предпринимательством. В 1988 г. вышел Закон СССР № 8998-ХІ «О кооперации в СССР», который окончательно разрушил складывавшуюся десятилетиями советскую экономическую систему. Кооператорам позволили осваивать сферу услуг (парикмахерские, такси, кафе, различные мастерские и т.д.). Достаточно востребованными оказались кооперативы, занимавшиеся ремонтом квартир, установками рам на балконах и в лоджиях. Сегодня является нормой нанимать бригаду для ремонта квартиры, стеклить балконы и лоджии, а в конце 1980-х гг. квартиры ремонтировались собственными силами. Только-только началось остекление балконов и лоджий, но могли это сделать только те, кто мог выполнить эту работу и имел возможность получить (купить, достать) соответствующие материалы¹.

Одним из показателей популярности кооперативов стал их количественный рост. К 1 января 1988 г. в стране действовало 13,6 тыс. кооперативов, в следующем 1989 г. – 77,5 тыс., в 1990 г. – 300 тыс. Численность членов кооперативов возросла с 155 тыс. чел. до 5,6 млн. чел. [19, с. 17]. На Дальнем Востоке с 1988 по 1990 гг. количество действующих кооперативов увеличилось с 443 до 8 928, а занятых в кооперативном секторе – с 4 тыс. до 235,2 тыс. чел. (А ИЭИ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 146. Л. 95). За 1991-2000 гг. их число выросло в многократно, например, в Хабаровском крае – в 15 раз (с 575 до 8 278), Приморском – 8 раз (с 2 279 до 16 067) [19, с. 322-323].

С этого времени кооператор в глазах закона перестал быть спекулянтом, но с позиции общественного развития – продолжал нести деструктивные явления, поскольку его деятельность в те годы часто базировалась на злоупотреблениях и взяточничестве, уходе от налогообложения (кооперативные такси, парикмахерские, кафе и проч.). Первые кооператоры очень быстро обогащались. На фоне стандартных советских зарплат в 120-300 рублей в месяц доход кооператора в одну – две тыс. руб. казался огромным и вызывал у одних – острую зависть, у других – общественное осуждение.

Народное хозяйство оказалось в условиях конкуренции между частным сектором и государством, однако последнее проигрывало. Чтобы снизить конкурентность частного сектора в размерах доходов, государство обратилось к опыту 1986 г. 14 марта 1988 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о прогрессивном налогообложении кооператоров, посредством которого планировалось изъять у них сверхдоходы. По мнению тогдашнего министра финансов СССР Б.И. Гостева, сверхдоходами являлась сумма, превышающая две с половиной средние зарплаты [12]. Быстро складывающаяся после выхода закона о кооперативах новая система отношений шла в разрез с сохранявшейся консервативной советской идеологией. Бизнес, к которому у общества было

¹ Единственным материалом, который можно было использовать в те годы, было дерево. Автор данной статьи не помнит, чтобы в свободной продаже, как это есть сейчас, можно было купить нужных размеров доски, брусья и проч. В хозяйственных магазинах можно было приобрести стекло.

двойное отношение, набирал обороты и подрывал экономические основы государственной экономики. На фоне растущей инфляции кооперативы, сохраняя свою деструктивную функцию в экономике и обществе, стали легальным явлением, но из «тени» в полной мере не вышли.

В 1990 г. руководство страны снова «обновило» законодательство о спекуляции (Закон СССР № 1767-1 от 31.10.1990 «Об усилении ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и за злоупотребления в торговле»), в котором ужесточало уголовное наказание не только за спекуляцию, но и незаконную торговую деятельность и злоупотребления в торговле [13]. Но, в сущности, его выход изменить ничего не мог, потому что вместо реальных сроков в этом законе появилась альтернатива уголовному преследованию – штрафы, что на практике стало способом пополнения госказны. В результате принятых законодательных мер сотрудники органов внутренних дел республики в 1990 г. выявили 1 234 530 спекулятивных преступлений. По сравнению с 1989 г. рост составил 18%. Материальный ущерб от действий спекулянтов достиг 548,2 млн. руб., сумма изъятого в виде незаконно приобретённого имущества или полученных денег превысила 17,3 млн. руб. В дальневосточных краях и областях сотрудники правоохранительных органов зарегистрировали 7% таких преступлений (85 862 преступления) от числа зарегистрированных в РСФСР, а численность населения в регионе составляла 5% от общего числа проживавших в республике. Прирост количественных показателей преступности на Дальнем Востоке превышал средние республиканские показатели. Единственным исключением оказался Хабаровский край (13,4%), анти-лидером стал Приморский край (31,5%), в остальных четырёх областях – Амурской, Камчатской, Магаданской и Сахалинской – показатели роста варьировались от 20,3% (на Сахалине) до 27,6% (в Магаданской области) (ГА МВД РФ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 307. Л. 11-14).

Рубеж 1991–1992 г. для советского общества стал точкой невозврата: рухнувший СССР и закон о свободной торговле (Указ от 29 января 1992 г. № 65 «О свободе торговли») вынесли на повестку дня вопрос о будущих перспективах российской экономики и населения. Либерализация экономических отношений привела к сокращению реального сектора экономики. Наиболее пострадавшими оказались предприятия лёгкой промышленности. Швейное производство приморских городов Владивостока, Артёма, Уссурийска, Партизанска за 10 лет реформ прекратило существовать.

Не избежали тяжёлых последствий предприятия аграрного сектора и оборонно-промышленного комплекса (ОПК, ВПК). В 1988 г. предприятия машиностроения в структуре производства в Хабаровском крае давали 33,7% продукции, в ЕАО – 12,4%, Приморье – 7,3%, на Камчатке – 4,4% и Амурской области – 4,7% [9, с. 69, 72]. Начавшаяся в СССР в конце 1980-х гг. конверсия за три года (1989–1991 гг.) повлекла за собой сокращение производства военной продукции на 37% [23]. В рамках создания кооперативов перепрофилировали отдельные цеха, например на заводах «Звезда» в Большом Камне или «Прогресс» в Арсеньеве с выпуска военной продукции на товары гражданского назначения, что дало временный результат. Закон о свободной торговле открывал широкие возможности для «торгашей», заполнивших в течение 1992–1993 гг. прилавки от продуктов питания до автомобилей, но сократил возможности отечественных предприятий. Продукция региональных производителей из-за дороговизны оказалась невостребованной. Даже государство оказалось неспособным оплачивать заказы военного назначения. Можно представить последствия кризиса для населения, если в структуре реги-

ональной экономики последние составляли, например, в Приморье 40% (по данным на 01.01.1993 г.) [21, с. 97].

Предприятия вынуждены были сокращать численность кадров. В канун либеральных реформ на трёх большекаменских заводах («Звезда», «Восток», «Эра») работало 15 тыс. чел., через 10 лет их стало немногим более 3 тыс. чел. (ПМА. Интервью Л.А. Крушановой с председателем профкома завода «Звезда». Июнь, 2012 г.). Примерно такое же соотношение (один работающий на пять человек сокращённых) осталось и на других дальневосточных предприятиях ВПК. Безработица стала ещё одним деструктивным явлением 1990-х гг.

В аграрном секторе также сложилась тяжёлая ситуация. К началу реформ в сельском хозяйстве Дальнего Востока функционировало более 1000 крупных высокотоварных колхозов и совхозов. В 1990 г. в регионе из всего количества аграрных предприятий только 3% были убыточными, в 1998 г. – уже 85%. Выпуск сельхозпродукции с 1992 г. по отношению к 1998 г. сократился в 2 раза [9, с. 102-103]. Хлынувший поток дешёвых сельхозпродуктов из Китая и «ножек Буша» из США на фоне резкого падения доходов населения Дальнего Востока сделал продукцию региональных сельхозпроизводителей неконкурентноспособной. Вчерашние совхозники и колхозники оказались без работы и средств к существованию. Причём, в отличие от городского населения, они были существенно ограничены в области приложения своего труда.

Общероссийский опрос, проведённый в апреле 1992 г. показал, что подавляющая часть населения страны не была готова к столь резкому изменению экономических основ жизни: введение свободных рыночных цен на товары и услуги поддержало только 22% опрошенных. Однако некоторые меры российское население поддерживало. Среди них приватизация государственных предприятий (52,8%), поощрение частного предпринимательства (63,1%), передача земли в частную собственность (68,7%). Несмотря на достаточно высокий процент поддержки населением некоторых экономических шагов, 43% россиян не верили в успех реформ [8, с. 49-53].

Результаты рыночных преобразований были следующими: к 1998 г. объём промышленного производства на Дальнем Востоке по отношению к 1991 г. снизился на 61%, в том числе в Хабаровском крае, Амурской области и в ЕАО – более чем на 70%, 51% – на Сахалине и Курильских островах, 56-58% – в Приморье и на Чукотке, 44-46% – в Магадане и на Камчатке [9, с. 71, 74]. Падение объёмов производства привело к росту безработицы. В ДВЭР и Читинской области по рассчитанной методике таковыми считались 656 тыс. чел., или 8% численности такого населения России. На Дальнем Востоке в октябре 1998 г. общий уровень безработицы составил 15,1%, в том числе в ЕАО – 24%, на Камчатке – 17,6% в Амурской и Сахалинской областях – 16,7 и 16,5% соответственно [9, с. 71, 74, 192-193]. В Приморье в 1995 г. по сравнению с 1992 г. численность безработных выросла в 2 раза, с 54 тыс. до 107 тыс. чел., из них с официальным статусом безработного – с 2,6 тыс. до 25,6 тыс. чел., т.е. в 10 раз [25, с. 9].

Тяжёлая экономическая ситуация вынуждала людей искать разные способы выживания. Кто-то стал уезжать в другие регионы страны, кто-то, не сумев адаптироваться, опустился на социальное дно, кто-то стал искать себя в бизнесе, в том числе и торговом. Кроме рынков, базаров, «толкучек», которые стали расти как грибы, закон о свободной торговле открыл новые виды торговли, а с ними и новые формы занятости. Переход от административно-командных к рыночным механизмам управления, экономический кризис, выразившийся в спаде производства, росте безработицы, и правовой вакуум, создали благоприятные

условия для дальнейшего расширения «теневого экономики». Частному сектору оказалось выгодно принимать на работу людей без официально-го трудоустройства. Выгодно это было и самим работникам. Обе категории – работодатель и наёмный работник – освобождали себя от уплаты налогов.

Уход от налогов обусловил рост девиантных форм занятости. С 1990-х гг. начал набирать обороты рынок вторсырья, а точнее рынок чёрных и цветных металлов. В советский период специальные организации принимали от заводов и фабрик списанные станки, металлоконструкции и проч. Каждый год школьники, и поколение 40 – 50-летних хорошо это помнит, участвовали в сборе макулатуры и металлолома. Перед осенними каникулами пионеры дружно ходили по квартирам и собирали макулатуру, в апреле-мае – металлолом: ржавые трубы, железные листы, болванки и т.д. Но с началом рыночных реформ такие «подвиги» несовершеннолетних родине были уже не нужны, хотя потребности в металлоломе сохранились. Только теперь в нём нуждалась не отечественная экономика, а экономики Китая, Южной Кореи или Японии.

Конторы вторсырья стали частными, а нишу пионеров, которых тоже не стало в 1991 г., заняли асоциальные лица. В 1990-е годы численность девиантных родине росла очень быстро. Недействующий «закон о тунеядцах» (ст. 209.1 УК РСФСР), заводы, оставшиеся без госказов, отсутствие государственных гарантий, обязательное на обеспечение хотя бы местом в общежитии и миграции трудоспособного населения в крупные города Дальнего Востока, стали факторами, обусловившими социальную деградацию части регионального населения.

В 1990-х гг. российский социум столкнулся с явлениями, искорёнными в СССР ещё в конце 1950-х гг. – нищенством, в том числе и профессиональным, и бездомными – бомжами (от аббр. БОМЖ – «без определённого места жительства»). Не последнюю роль в появлении последних сыграл закон о приватизации жилья. Но даже в этих условиях у каждого такого члена общества сохранялись потребности в еде, одежде, жилище и т.д., а для этого требовался источник дохода.

В советский период традиционными источниками дохода таких граждан были разовый заработок (напр., разгрузить вагоны, вскопать огород и проч.) или сбор бутылок. В начале 1990-х гг. этот способ заработка ещё сохранялся (примерно до середины 90-х гг.), но потом сошёл на нет. Во-первых, на рынке резко сократилась доля отечественной продукции, а потому стеклянная тара была востребована минимально, а во-вторых, на смену стеклу пришла новая форма упаковки – алюминиевая банка.

В хлынувшем в Россию потоке алкогольной и безалкогольной продукции не последнее место заняло пиво, «Пепси-кола», «Кока-кола» и т.д., упакованные в алюминиевые банки. Алюминий как вторсырьё оказался достаточно востребованным. Поэтому сбор и сдача стеклотары очень быстро были заменены на сбор и сдачу алюминиевых банок. Этот металл собирался отовсюду. Из столовых пропали традиционные алюминиевые ложки и вилки. Как говорили сами работники: «бомжи всё перетаскали». Так появилась неформальная «профессия» «металлист», т.е. люди, живущие за счёт занятия сбором и сдачей металлолома.

Наряду с алюминием популярными у «сдатчиков» были чугунные кастрюли, сковороды, утятницы и прочая столовая утварь. Тащили всё – от крышек люков до архитектурных памятников [4]. Иногда доходило до кощунства: воровали надгробные памятники [3, 6]. Со временем в этой сфере произошло так называемое «разделение труда». «Низовой» представлялся деклассированными элементами, собиравшие сбором банок и домашней утвари, надгробий. Для этого не требовались специальные

навыки и инструмента, а алюминиевая тара и проч. были для них доступными.

С минимальным набором инструментов и небольшими знаниями в области электрики обходилась другая, более высокая по своему статусному положению категория «металлистов» – «проводники», люди занимавшиеся кражей электрических проводов высоковольтных линий. Пик таких преступлений пришёлся на 1994–1996 гг., что совпало с пиком экономического кризиса. Кражи электрических кабелей совершались как в городах, так и в сельской местности. До 60% таких преступлений совершалось в сёлах и пригородах, что стало отражением неблагоприятной экономической ситуации в аграрном секторе. С точки зрения вторсырья, медные и алюминиевые провода стоили дороже, чем алюминиевая и цинковая тара, а вкупе с минимальными затратами на их очистку от посторонних материалов, считались высокодоходными. В 1990-е годы из-за краж линий электропередач без электричества оставались целые дачные посёлки, благоустраиваемые владельцами дач на собственные средства ещё в 1970–1980-х гг.

Достаточно часто без электроснабжения оставались и предприятия. Но если дачники с заявлениями в милицию обращались крайне редко, то отсутствие электричества на производстве становилось не только проблемой для предприятия, где совершались кражи, но и оборачивалось значительным ущербом для главного поставщика электроэнергии на Дальнем Востоке – Дальэнерго.

Крупные предприятия, имевшие собственные электрические подстанции, также терпели убытки от «металлистов». Поскольку внутренние кабели в той или иной степени защищены от посторонних, кражи совершали свои же работники. Так, в 1996 г. в г. Дальнегорске в местное отделение милиции от руководства предприятия «Бор» поступило заявление о краже медных комплектующих, предназначенных для электроподстанций, на сумму более 80 млн. руб. Было возбуждено уголовное дело. Похищенное нашли, но виновных найти так и не удалось. Уголовное дело «замыли», поскольку к краже были причастны высокопоставленные жители Дальнегорска **[ПМА. Интервью Л.А. Крушановой с бывшим сотрудником Дальнегорского ГОМ И.Ш. Август, 2015 г.)**.

Среди «металлистов» была ещё одна категория – «сварщики». В отличие от своих «братьев по цеху», у них был портативный сварной аппарат, с помощью которого разрезали крупные металлические конструкции на более мелкие детали, и грузовой автомобиль небольших размеров, с помощью которого металлолом отвозили в пункты приёма. Чаще всего такое происходило ночью на территории заводов. Через дыры в заборах работники передавали подготовленный металлолом, а «приёмщики» с внешней стороны грузили и доставляли его в пункты приёма. Об этом рассказывали бывшие рабочие большекаменских заводов, работавшие первой половине 1990-х гг. на «Звезде» и «Востоке». В 1990-е годы подобные преступления совершались достаточно часто. А ввиду отсутствия видеонаблюдения выявить воров представлялось сложным. Иногда преступление мог предотвратить охранник или сторож, если во время обхода ему удавалось увидеть процесс кражи материальных ценностей.

Как правило, в городах такие преступления оставались не полностью раскрытыми: похищенное «находилось» в ближайшем пункте приёма металлолома. На вопрос, кто принёс, приёмщики отвечали стандартно: «Мы паспорта не спрашиваем». И это понятно. Среди «металлистов» многие паспортов не имели. С другой стороны, если бы вторсырьё можно принимали только при наличии документа, удостоверяющего личность, то сдавать металлолом легально могли бы единицы, а пункты разорились. Именно сложившаяся система приёма металлолома позволила

собственникам «теневого» бизнеса процветать, а пунктам – расти как грибы. В сельской местности ситуация была обратной: находили похитителей, но не находили похищенное. Если в доме, где проживали асоциальные личности, шло застолье, значит, участники преступления празднуют «удачную» сделку.

В 1990-е годы к числу деструктивных форм занятости можно отнести браконьеров. В 1990-е гг. на Дальнем Востоке наибольшую популярность среди регионального населения получили лесное и рыбное (речное и прибрежное морское) браконьерство. Оно оказалось возможным не только по экономическим причинам, о которых выше уже говорилось. С переходом отечественной экономики на капиталистические рельсы многие предприятия, чтобы не нести обременительный груз, как налоговый, так и по содержанию, стали продавать тракторы, экскаваторы, грузовые машины и многое другое. Руководство сельскохозяйственных и транспортных предприятий стало списывать вполне рабочую технику. Купить списанную технику мог каждый, кто оплачивал наличностью. Наиболее востребованной она оказалась в лесном браконьерстве.

Появление лесного браконьерства обусловлено рядом факторов: 1) Дальний Восток традиционно являлся территорией, где велись лесозаготовки; 2) ориентированность региональной экономики на экспорт деловой древесины в страны АТР; 3) правовой вакуум ведения экономической лесозаготовительной деятельности; 4) близость Китая, нуждавшегося в дешёвом сырьё; 5) отсутствие государственного контроля, позволявшего беспрепятственно пересекать российско-китайскую границу с древесиной; 6) высокая степень коррупционности в лесном бизнесе. Кроме перечисленных факторов укажем ещё экономический (сокращение аграрного сектора, безработица).

Традиционное для крестьянства занятие сбором дикоросов и охотой в 1990-е гг. переросло в браконьерство, став способом заработка. Выявить это удалось только при попытке нелегального провоза дериватов через границу (чаще всего через российско-китайскую). В 1992–1994 гг. сотрудники таможен Приморского края пресекли вывоз 8,5 кг дикорастущего женьшеня, в июле 1993 г. на Гродековской таможне – 520 шкур песка. В 1992 г. в ДВТУ поступило первое сообщение о задержании на таможенной границе шкуры амурского тигра. В следующем 1993 г. задержали уже три шкуры тигра. С середины 1990-х гг. на территории Приморского и Хабаровского края всё чаще удавалось задерживать браконьеров с добычей – лапами и желчью медведей, пантов северного оленя, мускусной железы кабарги, шкуры рыси и т.д.

Высокая стоимость дериватов стала причиной того, что браконьерство стало настолько массовым явлением, что стало угрозой сохранения биоразнообразия Уссурийской тайги. Осенью 1996 г. стоимость 1 кг корня женьшеня составляла в среднем \$40 000, мускусной железы кабарги на внутреннем рынке – от \$4000 до 5000 и т.д. Попытки оценить ущерб предприняли эксперты из Фонда дикой природы. По их оценкам, вывоз корней женьшеня из Приморья в Китай с 1992 г. до середины 2000-х гг. достигал до 1000 кг в год, объём нелегальной торговли мускусной железой кабарги в 1999 – 2000 гг. составлял 400-450 кг, что в 5 раз превышало объём легальной торговли. [18, с. 70-71, 113-115].

В 1990-е годы СМИ достаточно часто сообщали, о задержании на границе граждан Китая с дериватами. Но даже поверхностный взгляд на эту проблему приводит к пониманию того, что китайцы физически не могли добыть такое количество животных и растений. Это делали российские селяне, вынужденные учиться выживать в условиях отсутствия работы и доходов и правового вакуума.

В 1990-е годы наряду с «лесными» браконьерами сотрудники федеральных природоохранных структур фиксировали появление, а затем и рост численности прибрежных браконьеров. Социально-экономический кризис на прибрежных и островных территориях оказался не менее сильным, чем в других производственных сферах – сельском хозяйстве, лёгкой промышленности и машиностроении. Часть населения этих территорий, например, в Приморье в Славянке, б. Андреево (рядом с Большим Камнем), на о-ве Попова, в крупных городах Владивостоке и Находке, была занята на рыбзаводах. С началом либеральных реформ рыбная отрасль региона претерпела негативные изменения: сократился добывающий флот, который ранее ловил рыбу по всему мировому океану. Это привело как к сокращению выходов в море, так и появлению безработицы в этой стратегической сфере. Ситуацию усугубляло резко ухудшившееся транспортное сообщение с этими территориями. Люди искали возможность заработка.

Традиционно в южном Приморье любители морских деликатесов (гребешка, трепанга, мидии, морского ежа и проч.), используя только трубку маску и ласты, добывали их в ограниченном количестве в июле-августе. В 1990-е гг. появилось много новых охотничьих и спортоварных магазинов. Расширился и ассортимент товаров: наряду с ассортиментом охотничьего назначения появились товары для занятия подводным плаванием. Продажа специальных костюмов, баллонов для воздуха и водонепроницаемых часов, а также запрос китайцев на трепанг вкупе с правовым вакуумом, позволили молодым парням заниматься деятельностью, наносящей колоссальный экономически и экологический ущерб. Так появилась ещё одна деструктивная профессия – «трепанжисть». В отличие от любителей подводного плавания советского периода, появление в продаже амуниции сделало эту «профессию» всевозможной.

В 1991-1994 гг. сотрудники таможенных органов пресекли 15 попыток незаконного вывоза сушёного трепанга. Общий объём задержанного составил 1297 кг. Это свидетельствовало о наличии в Приморье массового браконьерства. По воспоминаниям сотрудников Находкинской и Владивостокской таможен, в начале 1990-х гг. существовала неофициальная практика «возврата товара». Если «турист» при пересечении таможенной границы, имел с собой превышение товаров, имевших ограничения на вывоз, то сотрудники таможен предлагали эти товары передавать («возвращать») лицам, его сопровождавшим. Впервые же уголовное дело по факту контрабанды объектов флоры и фауны было возбуждено в конце сентября 1993 г. в отношении гражданина КНР контрабандно перемещавшего из России в Китай 120 кг сушёного трепанга, 12 кг пантов пятнистого оленя, 7 мускусных желёз кабарги. В 1994 г. сотрудники Гродековской таможни пресекли вывоз 260 кг сушёного трепанга, на Хасанской таможне – 200 кг. В 1995 г. из Хабаровского края пресечена попытка вывоза в КНР 1000 кг сушёного трепанга, скелета и шкуры амурского тигра [18, с. 117-118, 119].

После ужесточения природоохранного законодательства и формирования органов, осуществляющих контроль за сохранением природных ресурсов в виде проведения с 1996 г. регулярных операций против браконьеров – «Браконьер», «Путина», «Нерест» и других, «трепанжисть» стала «осваивать» «внутренний рынок». Всё большую популярность у приморцев и хабаровчан стали набирать активные биологические добавки, приготовленные в домашних условиях – трепанг на меду, трепанг на водке и меду, различные настойки на дикоросах. В начале 2000-х гг. в сети Интернет можно было найти информацию о различных биодобавках и способах их приготовления в домашних условиях.

Подводя итог, отметим следующее. В середине 1980-х гг. начавшаяся перестройка предопределила экономические преобразования, а вместе с ними социальную трансформацию. Реформы стали причиной распространения деструктивных явлений (спекуляций, маргинальных групп и деструктивной занятости). Товарный дефицит позднесоветского периода привёл к тому, что спекуляция из категории административного правонарушения и уголовно-наказуемого деяния перешла в категорию легальных видов деятельности, трансформировавшись в предпринимательство или бизнес. Стали разнообразными маргинальные группы: к числу традиционных тунеядцев и алкоголиков присоединились безработные, как официальные, так и не желавшие обращаться за помощью в соответствующие службы, мигранты. Каждая из маргинальных групп искала собственную «нишу» занятости. Близость Дальнего Востока к границам и наличие природных ресурсов способствовали формированию деструктивной занятости, связанной с лесным и прибрежным браконьерством. Потребность Китая и Японии в металле обусловила рост пунктов приёма и появлению деструктивной профессии – сборщика металлолома, «металлиста». В памяти дальневосточников 1990-е гг. остались периодом разворовывания предприятий, уничтожения природных богатств и социальной деградации населения. К сожалению, нам так и не удалось выявить реальное количество людей, освоившие в «лихое десятилетие» деструктивные профессии, но и сегодня «металлисты», «трепанжисты» и другие браконьеры остаются распространёнными формами занятости.

Литература

1. Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М. Деструктивные аспекты социальных трансформаций: аномия, архаика, девиация // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3. С. 94–101.
2. Бунич А.П., Гуров А.И., Корягина Т.И. и др. Теневая экономика. М.: Экономика, 1991. 158 с.
3. В Приморье вынесен приговор [Электронный ресурс]. URL: <http://prosecutor.ru/news/2014-06-16-v-primore-vynesen.htm> (дата обращения: 19.08.2015).
4. Вандалы уничтожают памятники на острове Русском. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsvl.ru/vlad/2006/11/20/vandaly/> (дата обращения: 19.08.2015).
5. Ващук А.С., Крушанова Л.А. Антиалкогольная политика в СССР в годы Перестройки ее влияние на социальные изменения в дальневосточном регионе // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 94–108.
6. Во Владивостоке задержаны... [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liveinternet.ru/community/politica/post221326619> (дата обращения: 14.09.2015).
7. Герчиков О. Борьба с пьянством в СССР завершилась грандиозным провалом // AIF.RU: информационный портал «Аргументы и факты». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru/society/history/17952> (дата обращения: 13.08.2014).
8. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2002 гг. М.: РОССПЭН, 2003. 512 с.

9. Дальневосточный район и Читинская область на рубеже третьего тысячелетия (материалы Ассоциации «Дальстат»). Владивосток: Приморский комитет государственной статистики, 1999. 309 с.
10. Добрин К.Ю. Феномен социальной нормы // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. № 3. Вып. 1. С. 248–253.
11. Дюркгейм Э. Норма и патология. [Электронный ресурс]. URL: <http://socio.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=1104> (дата обращения: 12.09.2015).
12. Железный занавесналога (оботношении к кооперативам и кооператорам). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agitclub.ru/gorby/glasnost/cooperation.htm> (дата обращения: 17.08.2015).
13. Закон СССР от 31.10.1990 № 1767-1 «Об усилении ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и за злоупотребления в торговле». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawmix.ru/sssр/2402> (дата обращения: 18.08.2015).
14. История государства и права России. Учебник для вузов. Под ред. С.А. Чириряева. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/IstPrav/82.php (дата обращения 07.09.2012 г.).
15. Кирющенко А.Г., Петрова Н.Ф. Антиалкогольная правовая политика и антиалкогольное законодательство советского государства: уроки истории и пути совершенствования. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России. 1998. 121 с.
16. Ковалевская Ю.Н., Крушанова Л.А. Государство и предприниматели на Дальнем Востоке России в 1960 – начале 1990-х гг.: спекулянты, фарцовщики, кооператоры, бизнесмены // Россия и АТР. 2013. № 4. 97–112.
17. Ламажаа Ч.К. Социальная трансформация // Энциклопедия гуманитарных наук. 2011. № 1. С. 262 – 264.
18. Ляпustin С.Н. Борьба с контрабандой объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке России (конец XIX–начало XXI в.). Владивосток: ВФ РТА, 2008. 252 с.
19. Моисеева Л.А., Вашук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России. Конец XX – начало XXI в. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2006. 348 с.
20. Постановление Совета Министров РСФСР «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами» от 22 июля 1986 г. № 329. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;n=2767;req=doc> (дата обращения: 17.08.2015).
21. Приморский край в 1993 году (стат.ежегодник). Владивосток: Госкомстат России. Приморский краевой комитет государственной статистики, 1994. 244 с.
22. Россияне продолжают тащить металлолом... [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liveinternet.ru/community/politica/post221326619> (дата обращения: 14.09.2015).
23. Соколов А.В. Конверсия оборонной промышленности Сибири. [Электронный ресурс]. URL: <http://russiasib.ru/konversiya-oboronnoj-promyshlennosti/> (дата обращения: 14.09.2013).
24. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный Кодексы РСФСР» от 25 февраля 1970 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7253.htm (дата обращения: 19.09.2015).
25. Численность и заработная плата работников, занятых в экономике Приморского края. Владивосток: Примкомстат, 1996. 61 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Abdrakhmanov D.M., Buranchin A.M. Destruktivnye aspekty sotsial'nykh transformatsij: anomiya, arkhayka, deviatsiya // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya. 2014. № 3. S. 94–101.

2. Bunich A.P., Gurov A.I., Koryagina T.I. i dr. Tenevaya ehkonomika. M.: EHkonomika, 1991. 158 s.

3. V Primor'e vnesen prigovor [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://prosecutor.ru/news/2014-06-16-v-primore-vnesen.htm> (data obrashheniya: 19.08.2015).

4. Vandaly unichtozhayut pamyatniki na ostrove Russkom. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.newsvl.ru/vlad/2006/11/20/vandaly/> (data obrashheniya: 19.08.2015).

5. Vashhuk A.S., Krushanova L.A. Antialkogol'naya politika v SSSR v gody Perestrojki ee vliyanie na sotsial'nye izmeneniya v dal'nevostochnom regione // Rossiya i ATR. 2014. № 4. S. 94–108.

6. Vo Vladivostoke zaderzhany... [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.liveinternet.ru/community/politica/post221326619> (data obrashheniya: 14.09.2015).

7. Gerchikov O. Bor'ba s p'yanstvom v SSSR zavershilas' grandioznym provalom // AIF.RU: informatsionnyj portal «Argumenty i fakty». [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.aif.ru/society/history/17952> (data obrashheniya: 13.08.2014).

8. Gorshkov M.K. Rossijskoe obshchestvo v usloviyakh transformatsii: mify i real'nost' (sotsiologicheskij analiz). 1992–2002 gg. M.: ROSSPEHN, 2003. 512 s.

9. Dal'nevostochnyj rajon i CHitinskaya oblast' na rubezhe tret'ego tysyacheletiya (materialy Assotsiatsii «Dal'stat»). Vladivostok: Primorskij komitet gosudarstvennoj statistiki, 1999. 309 s.

10. Dobrin K.YU. Fenomen sotsial'noj normy // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2011. № 3. Vyp. 1. S. 248–253.

11. Dyurkgejm EH. Norma i patologiya. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://socio.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=1104> (data obrashheniya: 12.09.2015).

12. ZHeleznyj zana ves naloga (ob otnoshenii k kooperativam i kooperatoram). [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.agitclub.ru/gorby/glasnost/cooperation.htm> (data obrashheniya: 17.08.2015).

13. Zakon SSSR ot 31.10.1990 № 1767-1 «Ob usilenii otvetstvennosti za spekulyatsiyu, nezakonnuyu trgovuyu deyatel'nost' i za zloupotrebleniya v trgovle». [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.lawmix.ru/sss/2402> (data obrashheniya: 18.08.2015).

14. Istoriya gosudarstva i prava Rossii. Uchebnik dlya vuzov. Pod red. S.A. CHibiryaeva. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/IstPrav/82.php (data obrashheniya 07.09.2012 g.).

15. Kiryushhenko A.G., Petrova N.F. Antialkogol'naya pravovaya politika i antialkogol'noe zakonodatel'stvo sovet'skogo gosudarstva: uroki istorii i puti sovershenstvovaniya. SPb: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. 1998. 121 s.

16. Kovalevskaya YU.N., Krushanova L.A. Gosudarstvo i predprinimateli na Dal'nem Vostoke Rossii v 1960 – nachale 1990-kh gg.: spekulyanty, fartsovshhiki, kooperatory, biznesmeny // Rossiya i ATR. 2013. № 4. 97–112.

17. Lamazhaa CH.K. Sotsial'naya transformatsiya // EHntsiklopediya gumanitarnykh nauk. 2011. № 1. S. 262 – 264.

18. Lyapustin S.N. Bor'ba s kontrabandoj ob'ektov fauny i flory na Dal'nem Vostoke Rossii (konets XIX–nachalo XXI v.). Vladivostok: VF RTA, 2008. 252 s.

19. Moiseeva L.A., Vashhuk A.S. Istoriya predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke Rossii. Konets XX – nachalo XXI v. Vladivostok: Izd-vo DVO RAN, 2006. 348 s.

20. Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR «O merakh po usileniyu bor'by s netrudovymi dokhodami» ot 22 iyulya 1986 g. № 329. [EHlektronnyj resurs]. URL:

<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;n=2767;req=doc> (data obrashheniya: 17.08.2015).

21. Primorskij kraj v 1993 godu (stat.ezhegodnik). Vladivostok: Goskomstat Rossii. Primorskij kraevoj komitet gosudarstvennoj statistiki, 1994. 244 s.

22. Rossiya ne prodolzhayut tashhit' metallolom... [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.liveinternet.ru/community/politica/post221326619> (data obrashheniya: 14.09.2015).

23. Sokolov A.V. Konversiya oboronnoj promyshlennosti Sibiri. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://russiasib.ru/konversiya-oboronnoj-promyshlennosti/> (data obrashheniya: 14.09.2013).

24. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR «O vnesenii dopolnenij i izmenenij v Ugolovnyj i Ugolovno-protsessual'nyj Kodeksy RSFSR» ot 25 fevralya 1970 goda. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7253.htm (data obrashheniya: 19.09.2015).

25. CHislennost' i zarabotnaya plata rabotnikov, zanyatykh v ehkonomike Primorskogo kraja. Vladivostok: Primkomstat, 1996. 61 s.